

Дверь распахнулась, но произошло нечто странное: несмотря на то что Маожи Синцзюнь исправно нес свою службу и день стоял ясный, свет не мог пробиться внутрь. Комната оставалась погруженной в непроглядную, противоестественную тьму. Юй Цинъюнь нутром чуял неладное. Похоже, сегодня ему не только не удастся припугнуть самозванку, занявшую место Цинхуань, но и ноги унести будет непросто. Тот, кто в прошлый раз ранил его стрелой, наверняка затаился в этой темноте.

— Хуанъюй, не бойся.

Теперь голос не просто эхом отдавался в голове — Юй Цинъюнь отчетливо слышал его. Но почему этот незнакомец назвал его Хуанъюй? От этого имени по коже пробежал неприятный холодок.

— Кто ты?

— Мы так долго не виделись... Я истосковался и просто не смог удержаться, чтобы не навесить тебя, — вкрадчиво произнес голос. Тон был игривым, но Юй Цинъюнь не почувствовал в нем ни капли искреннего тепла.

Стоило незнакомцу замолчать, как из темноты медленно вышла «Цинхуань» в своем зеленом платье. Остановившись в дверях, она ледяным, пренебрежительным взглядом смерила Юй Цинъюня, словно предвкушая его скорую гибель.

Юй Цинъюнь лишь дерзко усмехнулся в ответ. Раз уж они оба понимали, кто есть кто, стоило придерживаться правил игры и вести переговоры в «благожелательной» атмосфере.

— Раз тоска столь невыносима, почему бы почтенному господину не явиться мне и не предаться воспоминаниям лицом к лицу?

Юй Цинъюнь решил подыграть. Бежать было некуда, опасность дышала в затылок — оставалось лишь выманить врага на свет. Сейчас он был в облике жены Му Сибая, простого «смертного». Если эта лже-Цинхуань дорожит своей ролью госпожи Су, она не допустит, чтобы супруга помощника ее мужа пострадала прямо у нее на пороге.

— Воспоминаниям? Хуанъюй, ты наверняка меня не помнишь, — снова раздался смех. Это был пустой, бездушный звук, от которого становилось не по себе. — Когда мы виделись в последний раз, твой Учитель так сильно ранил твою духовную сущность, что тебе только и оставалось, что сгореть в пламени, дабы возродиться в Нирване.

Феникс, сгорающий в огне и обретающий новую жизнь... Это случилось еще до того, как Юй Цинъюнь возглавил павильон.

Что бы ни произошло в прошлом, кто бы ни нанес ему ту страшную рану — Юй Цинъюню не

следовало об этом знать. Наблюдатель из павильона Юйсюань предупреждал: если хочешь жить дальше, никогда не вороши былое.

— У меня нет времени слушать твой бред.

В душе поселилось смятение. Он понимал, что лезть в прошлое опасно, но подсознание словно требовало ответов. Эта жажда истины нашептывала: «Кто этот Учитель? Почему он пытался тебя убить?»

Однако вслух он произнес совсем другое:

— Где настоящая Цинхуань, с которой у меня заключен контракт?

Лже-Цинхуань презрительно фыркнула. Юй Цинъюнь в ответ ослепительно улыбнулся, отчего та скривилась, будто проглотила муху, и злобно отвернулась. Цинъюнь мысленно отметил: хоть он и не видел ее истинного облика, с такой дерзостью и силой она явно не была одиночкой. За ней точно кто-то стоял.

— Разве эта дешёвка стоит того, чтобы Господин марал о неё руки? — нехотя ответила самозванка, хоть вопрос и был задан не ей. — Это наши личные счета.

Вот как? Юй Цинъюнь изобразил на лице крайнее удивление. Что ж, крупница ценной информации в потоке пустых слов.

— Тогда, дражайшая «госпожа Цинхуань», не соизволите ли поведать, где мне найти моего истинного заказчика? Для торговца нет ничего печальнее, чем потерять того, с кем заключена сделка.

Юй Цинъюнь сокрушенно покачал головой.

— Неужели ты так печешься о своих бобах тоски? — снова подал голос невидимый собеседник.

Юй Цинъюнь вздрогнул. Откуда ему знать о бобах? Кроме самого Цинъюня, об этой тайне ведали лишь единицы.

Каждый, кто заключал сделку с Юй Цинъюнем, впоследствии начисто забывал о нем. Такова была особенность главы павильона Юйсюань: когда он возвращался из мира смертных в горы Цишань, память о нем стиралась у всех, с кем он соприкасался. Именно поэтому Му Сибай, сохранивший воспоминания, так сильно заинтриговал его.

— Неужели ты думаешь, что крошечная крупница способна заполнить пустоту в твоей груди? Хм.

Не успело эхо слов затихнуть, как из темноты метнулась стремительная черная тень. Юй Циньинь не успел даже вскрикнуть — в левой стороне груди взорвалась тупая, сокрушительная боль. Словно в сердце вонзилось нечто тяжелое, но не пробило плоть насквозь. К горлу подступила липкая кровь, но он сжал челюсти, с трудом сглатывая ее. Му Сибай не должен видеть его раненым.

Враг не использовал клинок. Юй Циньинь, пошатнувшись, прижал руку к груди и отступил на несколько шагов, пытаясь удержать равновесие. Лишь тогда он разглядел того, кто стоял перед ним. Это был не человек, а истинное чудовище.

Существо было на две головы выше любого смертного. Могучее тело, заковано в тяжелые доспехи, бугрилось мышцами. Лицо скрывала гротескная бронзовая маска с узором Таоте, а на голове красовался жуткий шлем. От монстра исходила такая волна первобытной ярости, что даже Юй Циньинь, божественный феникс, ощутил невольный трепет.

Как подобное создание оказалось в мире смертных? Куда смотрят Небеса? Неужели эти старые боги окончательно обленились?

Юй Циньинь мысленно проклял всех небожителей разом, с трудом сглатывая слюну и не сводя глаз с незваного «гостя».

Выгнать такого врага будет куда сложнее, чем призвать. Боль в груди стала невыносимой, казалось, кости вот-вот треснут. Именно там, где у людей бьется сердце, у Юй Циньиня находилось изначальное ядро — Юаньдань. После того как в прошлой жизни его ядро было уничтожено, он жил лишь благодаря бобам тоски, вживленным в грудь. Они заменяли ему сердце и поддерживали целостность души. Лишиться их означало окончательно исчезнуть из этого мира. И этот монстр ударил точно в самое уязвимое место.

Лже-Цинхуань с нескрываемым злорадством наблюдала за его мучениями.

Юй Циньиню было не до нее. Он лихорадочно соображал, что делать. Внутренние раны были слишком серьезными, в открытом бою ему не выстоять. А если он применит магию, это нарушит порядок мира смертных и вызовет ответный удар, который добьет его окончательно.

Нужно было заставить таинственного «Господина» выйти из тени. Если лишить его преимущества скрытности, давление, возможно, ослабнет.

Юй Циньинь выхватил из рукава короткий кинжал. Внимательно следя за бронированным гигантом, он искал момент для атаки на того, кто затаился в комнате. Но враг разгадал его план мгновенно.

Чудовище вскинуло тяжелую руку и мертвой хваткой вцепилось ему в горло, рывком подняв над землей. Дыхание перехватило, и перед глазами поплыли черные круги.

Неужели это конец? Неужели его путь оборвется здесь?

— Синтянь, довольно. Не убивай его.

Стоило прозвучать приказу, как Синтянь разжал пальцы. Юй Цинъинь рухнул на пол, жадно глотая воздух. Боль не утихла, но гнев оказался сильнее. Он вскинул голову и яростно воззрился на великана. Если не силой, то хотя бы взглядом он покажет свою непокорность!

— Именно этот взгляд... Столько строптивости и презрения к законам. Совсем как у того маленького феникса из прошлого.

— Кто... кто ты такой на самом деле?

Тихий, вкрадчивый смех, доносившийся из глубины комнаты, пугал куда больше, чем вооруженный Синтянь. Что этот человек знает? Какова его цель? Было ясно одно: судьбы Цинхуань и Су Ицю его совершенно не заботили. Значит, не он был кукловодом в этой истории с подменой?

Может быть, их связывает какая-то старая вражда?

— Синтянь, уходим.

Голос стал отдаляться, тая, словно предрассветный туман. Юй Цинъинь кожей почувствовал, как этот морок скользнул мимо него.

— Хуаньюй, я буду ждать. Ждать, когда ты сам придешь ко мне.

Последним, что осталось в сознании, был этот насмешливый голос.

Они определенно были знакомы. Там, на берегу Изумрудного озера в горах Цишань... Юй Цинъинь видел и этого человека, и своего Учителя.

***

Обрывки памяти прорвали облака над Изумрудным озером, продрались сквозь заросли кустарника и цветов, вырываясь на влажный берег. Это воспоминание вонзилось в мозг острой серебряной иглой.

Холодный блеск стали. Меч, безжалостно пронзивший его грудь.

«Почему? За что ты убиваешь меня?»

Юй Цинъинь смотрел на руку, сжимавшую эфес — руку, которая прежде казалась такой теплой и надежной. Он не успел даже вскрикнуть, как клинок покинул рану и снова взметнулся для удара.

Какая причина могла заставить этого человека желать его смерти? В чем была его вина?

Он бессильно осел на землю, одной рукой пытаясь удержаться, а другой зажимая рану, из которой толчками выплескивалась жизнь.

Кровь. Ярко-алая, горячая... Она пропитала одежду, окрасила ладони. Он пытался стереть это жуткое пятно, но багрянец только размазывался, а грудь затапливал леденящий ужас.

«Больно? Тебе больно?»

Пусть бы он срезал мясо с его костей кусок за куском. Пусть бы подверг тысяче казней. Любую боль, причиненную этим человеком, Юй Цинъинь готов был стерпеть.

Но умирать... умирать еще нельзя...

— Учитель думал... ты заплачешь, — голос звучал ласково, как при разговоре с ребенком. Этот контраст между лаской и жестокостью сводил с ума. — Хуанъюй... ты ведь больше всего на свете боишься боли...

Верно. Он всегда боялся боли.

Смешно.

Плакать? О, как бы он хотел. Но в глазах не осталось ни единой слезы. Чем же ему плакать?

Оставалось только смеяться.

Все это — лишь плоды его собственных деяний.

***

Последнее, что запомнил Юй Цинъинь — как он, теряя сознание, падает на руки Му Сibaю. Голоса, образы и тени снов угасали, унося с собой и это болезненное, пробужденное не вовремя воспоминание.

— Цинъинь?!

В сознание пробился тревожный зов.

— Что случилось?

Объятия Му Сибая были такими теплыми. Такими знакомыми и в то же время чужими.

—... Кто ты?

— Цин-Цин, это я. Сибай.

— Ах... вот как...

<http://bllate.org/book/17464/1693592>